

Педагогические и общественно-просветительские идеи духовного наследия святителя Иннокентия Херсонского стали заметным итогом и этапом в развитии истории всей России.

Использование педагогических идей духовного наследия этого выдающегося деятеля в современной педагогике необходимо как продолжение его идеи о полной гармонии веры и знания, религии и науки, нравственного богословия с педагогикой, которая в свою очередь будет рассматриваться в качестве ее прикладной, дидактической стороны общей системы.

В заключении хотелось бы отметить, что любое обращение к историческому прошлому (событиям, идеям, персоналиям) не ограничивается только узнаванием в этом прошлом чего-либо нового, ранее не известного. Конструктивный диалог с прошлым позволяет увидеть историческую глубину проблем современности и тем самым по-другому оценить перспективы их решения.

Капустина А. М.

Белгородский государственный университет

МИЛОСЕРДИЕ И ФИЛАНТРОПИЯ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Проблема ценностей духовного порядка, и, в первую очередь, ценностей православно-нравственных, составляет своеобразие русской культуры, российской общественной мысли, отечественной философии. Антропологизм, нравственно-этическая направленность всегда характеризовали своеобразие русской философии.

Милосердие имеет древнюю историческую традицию в философских и религиозных идеалах человечества. Представители русской религиозной философии, обладающие большой глубиной проницательности в понимании человека, уделяли большое внимание религиозно-этической проблематике.

Начало самостоятельной философской мысли в России XIX века связано с именами славянофилов И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Виднейшие представители русской философии воплощали кульминацию высокой духовности в идее соборности, согласно которой, все члены церкви органически связаны с Богом и друг с другом. В этом плане соборность противостоит «личной отдельности», «духовному эгоизму» и индивидуализму⁴¹. Индивидуализм разрушает человеческую солидарность и рассматривает человека как отдельного «я», предельного носителя индивидуального сознания. Такое понимание человека ведёт к формированию жизненной позиции, когда каждый сам по себе, каждый сам за себя. А это, по мысли А. Хомякова выглядит как совершенное бессилие и внутренний,

⁴¹ Хомяков А.С. Церковь одна. // Соч. в 2 т. М., 1994. Т.2. С.43.

непримиримый разлад отдельной личности. Подобная установка разрушает нравственность и не допускает ничего истинно общего, она препятствует раскрытию духовного потенциала человека. Философы-славянофилы не говорили о милосердии как о религиозно-этической категории, но, рассуждая о русской специфике, отмечали, что русскому национальной культуре присущ идеал соборности, который составлял этическое основание жизни русского народа, что на бытовом уровне проявлялось в заботе о слабых членах общины – сиротах, стариках, вдовах.

Мыслители отмечали, что милосердие выступало нормой жизни русского общества с древнейших времён, так как соборность как этическая категория содержит в себе высшие требования по отношению к личности, то есть такие требования, возможное выполнение которых позволило бы человеку приблизиться к совершенству.

Подробнее всего этическая доктрина русской религиозной философии была разработана В.С. Соловьёвым. Итогом его многолетних исследований и размышлений стал фундаментальный труд «Оправдание добра. Нравственная философия».

Собственно термин «милосердие» Соловьёв употребляет в данном сочинении не часто, но он уделяет большое внимание понятиям «жалость», и «альтруизм», которые помогают выяснить содержание концепта «милосердие» в русской культуре.

Как религиозный мыслитель и мистик Соловьёв считал добро Божьим даром людям, а милосердие - богоугодным, богоосвященным делом. Такими же качествами Соловьёв наделял и любовь. Этому чувству посвящены не только многие страницы «Оправдания добра», но и пять отдельных статей того же периода (90-е годы XIX в.), объединённые общим названием «Смысл любви». И здесь говорится о божественном даре, который связывает людей друг с другом, рождает доброе чувство взаимной заботы, создает семью, «а семья есть образующий элемент всякого общества»⁴² и условия здорового продолжения рода людского. Но семейные отношения - лишь частный случай более широкой проблемы организации общественных отношений по законам любви, милосердия, взаимопомощи.

Философия любви Вл. Соловьёва основана на положении, что человечность проявляется в переживании любви, преодолении эгоизма. Воспитанию милосердия способствуют общечеловеческие принципы христианской нравственности: идея о спасении, духовности, любви к ближнему и милосердию Бога, а также представления о грехе, стыде и совести. Но настоящая любовь «выражается в деятельной помощи другим, пользуется всеми необходимыми средствами для этой помощи»⁴³.

Указание на нравственную основу в природе человека Соловьёва связано с тремя нравственными основными чувствами: стыд, жалость и благоговение. По очереди объяснений второе основное чувство - жалость. Жалость является

⁴² Там же С. 470

⁴³ Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х тт. М., 1989. Т.2. С. 376

таким основным чувством, которое выражает нравственное отношение к тому, что находится «рядом со мной». Соловьев делает чувство жалости, и нравственный принцип альтруизма важными составляющими нравственной философии в «Оправдании добра». Философ отмечает, что правила аскетизма укрепляют в человеке силы духа, но, чтобы этот сильный дух имел нравственное значение, то есть был добрым, нужно, чтобы власть над своей плотью соединялась в нём с положительным, благожелательным отношением к другим существам.

Альтруистическое начало, по Соловьёву, имеет свой глубокий корень в нашей природе именно в виде чувства жалости, общего человеку с другими существами. Мыслитель подчёркивает, что «естественный корень нравственного отношения к другим заключается не в участии, или чувстве солидарности вообще, а именно в жалости, или в сострадании»⁴⁴, так как только искренняя скорбь о других смущает нашу личную радость, омрачает наше веселье, то есть оказывается несовместимой с состоянием эгоистической удовлетворённости. Со-радование или со-наслаждение, с точки зрения Соловьёва - это чувство смешанного и неопределённого в нравственном смысле характера, тогда как сострадание, или жалость не может иметь своекорыстных мотивов и является чувством «чисто - альтруистическим».

Жалость побуждает человека к действию с целью избавить другое существо от страдания, или помочь ему. Такое действие может быть чисто внутренним, или иметь характер материальной помощи страдающему. Единственно достойным мотивом альтруистических поступков Соловьёв считает сострадание.

Современный словарь по этике в понятии милосердия выделяет два аспекта - духовно-эмоциональный (переживание чужой боли как своей) и конкретно-практический (порыв к реальной помощи). Первый аспект, на наш взгляд, соответствует «жалости» Соловьёва, а второй - близок к его «альтруизму». Обдумывая прямой переход - от чувства жалости к альтруизму, Соловьёв связал альтруизм с понятиями «правды» и «справедливости»: «Когда я отношусь безжалостно или равнодушно к другим существам, считаю позволительным их обижать и не обязательным - помогать им, когда смотрю на них только как на средство для своих целей, то они являются не тем, что они суть в действительности. Существо является только вещью, живое - мертвым, одушевленное - бездушным, сродное мне - чужим, подобное мне — безусловно различным». Такое отношение, в котором известный предмет берется не за то, что он есть на самом деле, есть прямое отрицание правды; выпскающие отсюда поступки будут несправедливы, а, следовательно, противоположное отношение, которое субъективно проявляется во внутреннем чувстве участия, жалости, или сострадания, объективно говоря, выражает правду, и действия, из него происходящие, будут справедливы. Жалость, и альтруизм выполняют у Соловьёва функцию познания верного смысла не только людей, но и вещей, имеющих отношение к людям. Поэтому этим выражается истина, а рядом с

⁴⁴ Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х т. Т. 1 С. 153

истиной находится справедливость, потому что появляется требование относиться справедливо к другим людям⁴⁵.

Общее правило или принцип альтруизма Соловьёв разделяет на два частных. Он называет два правила альтруизма - отрицательное и положительное: « 1) не делай другому ничего такого, чего себе не хочешь от других, и 2) делай другому все то, чего сам хотел бы от других. Короче и проще: эти два правила, соединяемые обыкновенно вместе, выражается так: никого не обижай и всем, насколько можешь, помогай. Первое, отрицательное правило справедливости, второе – милосердие»⁴⁶.

Каждая из установленных В.Соловьёвым нравственных основ – стыд, жалость и религиозное чувство – может рассматриваться (по его словам) с трёх сторон: как добродетель, как правило действия и как условие известного блага. Так, сострадательность – это, во-первых, хорошее личное качество или добродетель, во-вторых, она даёт норму для альтруистической деятельности по правилам справедливости и милосердия, а такая деятельность приводит к нравственному благу». Однако философ уточняет, что достаточно будет ограничиться точкой зрения добродетели, так как в ней логически заключаются и две другие.

Среди главных добродетелей Соловьёв называет принятые в церковноотеческой этике – веру, надежду, любовь и четвёртую, «краеугольную добродетель» - справедливость. Говоря о справедливости, Соловьёв называет несколько смыслов этого понятия. Во втором смысле понятие справедливости соответствует основному принципу альтруизма, «требующему признавать равно за всеми другими то право на жизнь и благополучие, какое признаётся каждым за самим собою»⁴⁷. В данном смысле, уточняет Соловьёв, справедливость лишь логическое выражение нравственного начала, которое субъективно выражается в чувстве жалости (сострадания).

Среди других, вторичных, или производных, добродетей в связи с понятием милосердия, нас интересуют такие как, бескорыстие и щедрость. Щедрость, по Соловьёву, по внешним проявлениям совпадает с великодушием и бескорыстием, но имеет другую внутреннюю основу – альтруистическую. Добродетельно – щедрый человек есть тот, который из справедливости или человеколюбия делится своим имуществом с другими (ибо, поскольку он делает это из тщеславия или из высокомерия, тут нет добродетели). Но при этом такой человек может быть даже до скупости привязан к тому имуществу, которое он раздаёт, и в таком случае его нельзя, строго говоря, назвать бескорыстным; следует только сказать, что в нём альтруистическая добродетель щедрости побеждает порок корыстолюбия.

Следуя святоотеческой традиции, Соловьёв утверждал, что в актах милосердия человек приближается к образу и подобию Божьему, говоря, что кто имеет в себе Бога, тот ко всему относится по мысли Божьей, или с точки зрения абсолютного.

⁴⁵ Там же С. 165-166.

⁴⁶ Там же С. 167-168.

⁴⁷ Там же С. 188.

Непосредственные акты милосердия Соловьёв также подверг теоретическому осмыслению. Философ утверждал, что наилучшие индивидуально-филантропические мероприятия ни к чему не ведут» и «действительная помощь, в которой нуждается русский народ, есть помощь общественная»⁴⁸. Он различал духовную благотворительность и материальную, показывая их соотношение в жизни, дал нравственную оценку этим действиям. В книге «Оправдание добра» Соловьёв разъяснял что блага духовные, которые по самому понятию свосму исключают возможность дурных средств для их приобретения, так как нельзя украсть нравственные достоинства, или награть справедливость - эти блага желательны безусловно; напротив, блага материальные, которые по природе допускают дурные средства, желательны под условием неупотребления таких средств, то есть под условием материальных целей цели нравственной.

В.С.Соловьёв создал целостную этическую концепцию миропонимания. Его последователи - религиозные философы В.В.Розанов, Е.Н.Трубецкой, С.Н.Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Н.А.Бердяев, действуя в русле соловьевского учения, провели целый ряд интересных исследований в областях гносеологии, теологии, широко выходя за круг нравственных проблем, которые всегда оставались в поле их зрения. Из этого обширного материала мы выделим для нашей темы лишь некоторые наблюдения и выводы трех философов - Розанова, Флоренского, Булгакова, в произведениях которых, как нам кажется, тема милосердия звучала отчетливее, чем у других.

В.В. Розанов большое внимание уделял духовному аспекту милосердия. Особенно высоко ставил философ христианские заповеди примирения и прощения. Существенная черта православия, писал В.В. Розанов, в том, что оно ожидает, «долго терпит, не проклинает, не ненавидит, не гонит»⁴⁹. В одной из ранних своих работ «Место христианства в истории» (1890 г.) Розанов писал, что «мы находим в Евангелии дух светлой радости, дух прощения и примирения, любви к людям». Что же касается любви, которой Розанов придавал огромное значение, то в его построениях это чувство представлялось более заземленным, связанным с плотью, и он от индивидуального интимного шел к социальному обобщенному выражению милосердных отношений.

О благотворительности, о стремлении бескорыстно делать добро другому Розанов высказывался достаточно осторожно. Он различал деяния по долгу, по обязанности от деяний помощи по зову сердца, как внутреннюю потребность, когда «мне самому было сладко делать сладкое» - лишь последнее высшее проявление милосердия.

Розанов в своей книге «Богомольная и милостивая Русь» писал: «если бы чудодейственным актом законодательства или экономического прогресса и медицинского знания вдруг исчезли бы в Древней Руси все нищие и убогие, кто знает - может быть, древнерусский милостивец почувствовал бы некоторую

⁴⁸ Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х тт. Т.2 С. 381

⁴⁹ Розанов В.В. Собрание сочинений Т.1 М., 1990 С. 94

нравственную неловкость...»⁵⁰. Мыслитель, таким образом, проводил мысль о том, что нищенство являлось в Древней Руси одним из средств нравственного воспитания народа. В этом вопросе его взгляды совпадают со взглядами выдающегося русского историка В.О. Ключевского⁵¹.

В написанной еще в конце прошлого столетия статье «Черта характера Древней Руси» Розанов описывал те древние времена, когда «внутреннее домостроительство», основанное на любви и взаимной помощи, было неременной потребностью людей. Мыслитель считал, что в Древней Руси, «отсутствие какой-либо смятенности в жизни и совести» - было той основой, на которой строились все человеколюбивые отношения. Идеализируя прошлое, Розанов видел в нем пример установления справедливых общественных отношений - человеколюбивых, добродетельных, милосердных. Здесь он следовал взглядам славянофилов.

Младшие современники Розанова - религиозные мыслители С.Н.Булгаков и П.А.Флоренский продолжили соловьевскую традицию этического подхода к мировоззренческим проблемам. Взгляды этих философов, близки. Особенностью их творчества была тесная, можно сказать непосредственная связь с христианским вероучением, а само милосердие понималось ими главным образом как милосердие, определенное Священным Писанием, что неудивительно, ведь оба мыслителя являлись православными священниками. Главные труды этих философов (Булгакова - «Свет невечерний», Флоренского - «Столп и утверждение Истины», «У водоразделов мысли») полностью посвящены религиозной тематике.

Флоренский понимал милосердие в связи с божественной сущностью всего бытия, как и сам человек - искра Божья в мире. Он считал, что люди чувственно связаны с Богом, чувственно воспринимают Бога через всеохватную любовь и такая любовь есть высшее проявление милосердия. Это чувство сплачивает людей вокруг «Церкви Тела Христова».

Христианское милосердие Булгаков и Флоренский противопоставляли «буржуазному гуманизму», который, по их мнению, подрывал религиозные устои общества, ставя свободную личность на место божества: «Вся современная культура, - писал Булгаков, - ...начинает чахнуть и блекнуть, лишенная глубоких корней религиозно-мистического питания... Век гуманизма выставил великие христианские заветы, старое отцовское наследие - идеалы свободы, равенства и братства, но выставил их как свое создание и свою собственность, оторвав прекрасный цветок от родимого ствола... Становятся ли люди ближе между собою, устанавливается ли между ними не только равенство, но и братство, больше ли стало любви на земле...? Мы думаем, что искренний и добросовестный ответ на этот вопрос не может быть положительным»⁵².

Буржуазный гуманизм с его программой свободного раскрепощения личности, которая и перестроит мир по своим законам, Флоренский и Булгаков

⁵⁰ Розанов В.В. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 82-85.

⁵¹ Ключевский В.О. Добрые люди древней Руси. С 2-4

⁵² Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 2. С. 305-306.

называли социальной утопией, в то время как цели христианского милосердия, воплощаемые в жизнь благотворительностью, они считали вполне реальным и желанным делом. Такие высказывания ортодоксальных религиозных философов о гуманизме не случайны.

В новоевропейской гуманистической философии на смену христианскому милосердию пришло учение об альтруизме. Названный термин ввел в научный оборот О.Конт, его принцип «живи для других», выступал противоположностью эгоистической установки «живи для себя». Концепция альтруизма вырастает из традиций европейского гуманизма, из стремления понять добродетели человека секуляризовано, что представляло собой вызов христианской этике. Исследователь морали Апресян Р.Г. отмечает, что с православной точки зрения альтруизм неприемлем как своего рода человекоугодие, при котором забывается Бог и обязанность человека угождать Богу и выполнять все его заповеди, а так же тем, что «концепция альтруизма в 19 веке развивалась по преимуществу в рамках утилитарианизма при явной или неявной оппозиции религиозному мирозерцанию»⁵³.

Характерно, что милосердие и благотворительность Булгаков рассматривал как единые смысловые понятия, видя в благотворительности обобщение отдельных милосердных признаков⁵⁴. В книге «Свет невечерний» этому уделено особое внимание. В частности, отмечается, что для христианства положительной стороной общественности «является милосердие, жалость, сострадание, вообще благотворительность» и такая благотворительность, такое милосердие «всегда составляли силу исторического христианства». С.Н.Булгаков в книге «Православие» признаёт, что православие имеет меньший опыт решения социального вопроса, чем западные церкви, но отмечает, что дух соборности благоприятствует правильному подходу к проблеме.

В то же время философы понимали и ограниченность благотворительности в решении земных проблем. Она, по мнению Булгакова, имеет только паллиативный характер. Флоренский П.А. отмечал, что отправление культа в православии важнее дел милосердия, но он пояснял, что это не значит, что православие отрицает благотворительность, но оно «пуще всего боится смешать дело Божье с земным»⁵⁵. С православной точки зрения благотворительность не отрицается: одеть нагого, накормить голодного, посетить больного - всё это исконные русские добродетели, однако в православии всё это - дела любви, милосердия, а не переустройство мира. Православие, горячо сочувствуя страдающему миру, совсем не верит в возможности изменить его человеческими силами, а потому благотворительность в России носит личный характер помощи именно этому лицу и исключительно из любви к ближнему Флоренский высказывается еще решительнее: нравственная деятельность, как то: филантропия и тому подобное, взятая сама по себе - совершенное ничто». Последнее заключение

⁵³ Апресян Р.Г. Идея морали и основные нормативно-этические программы Текст дисс. М 1993. С. 305

⁵⁴ Горбунов В.В. Милосердие. У/п М.: РОССПЭН, 1998

⁵⁵ Флоренский П. Христианство и культура. М., 2001. С. 485

требует пояснения, ибо речь здесь идёт не о нравственности как таковой, а о понимании богоугодных поступков, которые совершал бы человек не из чувства долга, а по зову сердца, как «благодать жизни».

Для П.Флоренского милосердие должно быть понимаемо лишь в связи с божественной сущностью всего бытия, как и сам человек - искра Божья в мире. Он считал, что люди чувственно связаны с Богом, чувственно воспринимают Бога через всеохватную любовь и такая любовь есть высшее проявление милосердия. Это чувство спланивает людей вокруг «Церкви Тела Христова». Так, говоря о милосердии русского народа цитировал В.О. Ключевского, полностью соглашаясь с его мыслями: «...любовь к ближнему полагали прежде всего в сострадании к страждущему, её первым требованием признавали личную милостыню...Человеколюбие на деле значило нищелюбие. Благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему; нищенство считалось в древней Руси не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа».

Булгаков связывал смысловое содержание концепта «милосердие» с идеалами социального равенства, справедливости (это, скорее всего, обусловлено его ранним увлечением марксистской теорией). Философ отмечал, что христианство не может благословлять строй, который основан на насилии или ненависти. Для достижения социального прогресса, очищения общества от этих пороков для христиан существуют обязанности в области экономической и социальной политики. Булгаков предупреждал, что христианское учение указывает только цель, а средства человечество должно искать самостоятельно, причём, именно в этом и возникают опасные заблуждения (попытки насильно навязать людям Царство Божие на земле).

Булгаков также отрицал идею церковных хозяйственных общин, ссылаясь на евангельскую религиозную норму относительно хозяйства: не заботьтесь, что вам есть и пить и во что одеться... Идея церковного социализма на фоне существования капиталистического строя, с точки зрения философа, не только религиозно ложна, но и противоречит требованиям человеколюбия и приводит к церковному эгоизму, так как за пределами общины всегда будет толпиться целая армия бедного, голодного, безработного люда, которому нужна будет любовь и забота. «Христиане должны стремиться к усовершенствованию социального строя для всех, но не создавать привилегий для избранных». Первая Иерусалимская община, о которой в «Деяниях Апостолов» сказано следующее: «Все же верующие были вместе и имели всё общее: и продавали имена и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого»⁵⁶ – здесь нет противоречия, так как значение нормы имеет в этом случае чувство любви, которое имело последствием общине имуществ (потребительский

⁵⁶ Библия Казань 1996 Деяния 44 5.

коммунизм). Христианин уступает неизбежности, от него независящей невозможности сдвинуть гору социального строя единоличным усилием.

Говоря о практической стороне милосердия, неизбежно возникает вопрос о христианском отношении к собственности и богатству. В этическом смысле Булгаков понимает не право собственности, а чувство собственности – привязанность к ней, жадность, любостяжание. «Именно это-то чувство собственности. духовный яд её, сладострастие мамона, и осуждается бесповоротно христианством как коренным образом противоречащее основной заповеди любви». Булгаков поясняет, что филантропические мероприятия в современном ему капиталистическом обществе требуют разумного подхода. Капиталист, владеющий предприятием, каким религиозным он не был не должен продавать свою собственность, чтобы раздать нищим, так как он обязан думать о судьбе рабочих, он должен добросовестно и честно нести бремя собственности.

Представители русской религиозной философии отмечали особенности понимания милосердия в русской культуре:

- упор на индивидуальное милосердие, а не на общественную помощь;
- нравственно-воспитательная направленность благотворения;
- несмотря на дохристианские традиции взаимопомощи, основа милосердия – в Православии с вытекающими отсюда императивами;
- противопоставление буржуазного гуманизма и христианского милосердия.

*Карцева А.С.
Старооскольский
педагогический колледж*

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПЕСНОПЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ РУСИ

«Где песни духовные, туда снисходит благодать Духа, и освящает уста и душу. Даже хотя бы ты не разумел силы слов, приучай, по крайней мере, уста свои произносить их, и язык освящается этими словами, когда они произносятся с усердием».

Иоанн Златоуст

Наше церковное пение уходит своими корнями вглубь истории. И было оно византийского происхождения. «Повесть временных лет» так передает встречу с церковным пением наших послов в Византии: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой».

Приняв в 988г. крещение, Русь стала наследницей и продолжательницей традиции греческой церковной культуры и музыки. Началась новая для Руси эпоха в развитии культуры, связанной с христианским мировоззрением.